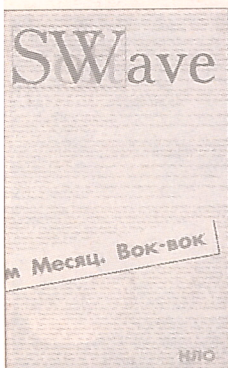

проза

Писатель ногами

Григорий Медведев

Месяц В.
Вок-вок: Рассказы
/ Предисл. М.Л.Гаспарова.

М.: Новое литературное обозрение,
2004. — 348 с. 1000 экз. (п)
ISBN 5-86793-329-6

Вадим Месяц поэт, поэтом он остается и в своей прозе. О поэтах неинтересно писать, их интересно цитировать или заучивать наизусть, потому что, перефразируя Мураками, они вступают в особую связь с языком, в отличие от прозаиков, для которых слово лишь средство транспортировки смысла. «Идея рифмы зарождается сразу с появлением живого существа, рта, окаймленного губами: именно эти первоначальные хватательные дви-

жения и привели к возникновению высоких искусств». Это из рассказа «На языке рыб». Рыбы придумали поэзию, они говорят «вок-вок». Не отсюда ли словесная эквилибристика Велимира? А еще есть птицы, чирикающие по-английски: «Здесь язык удобен для птичьего произношения: *whoit-whoit-whoit: wheat-wheat-wheat...*» Это «Сон в дошатам Ерусалиме». Бродский подытоживает: «...птицы, слетев со скал, отражаются в рыбах», а св. Франциск бродит поблизости, проповедуя и тем, и другим.

Серия «Soft Wave», в которой вышел сборник, декларирует «идею литературы как нового понимания человека и его отношения с миром и языком — личных и живых». Для поэта мир и язык — синонимы. «Я бы хотел переименовать каждую из нот, каждую из букв, потому что каждая из них чудовищно сложна и возвышена. Каждой ноте должен соответствовать лист дерева или цветка, глядя на который ее бы произнесла птица. Каждой букве должен соответствовать... иероглиф, придуманный ребенком или дураком». Вот так. И ни единого культурологического

ориентира. Постмодернизм сдал позиции, его не взяли в новый век, а писать будут, как Месяц — для птиц, рыб и растений — лучших критиков. На их языке.

А как же быть с Богом в этой новой словесности? Поэт отвечает: «Существует точка страсти — когда икона и порнография равны. Иначе я не верю в Бога». А орнитолог добавляет: «Религиозные предпочтения птиц остались мне непонятны: я догадываюсь, что они должны сопрягаться с расположением звезд».

Никакого переворота не произошло, никого не предлагают сбрасывать с парохода современности. Сменилась, так сказать, целевая аудитория литературы, как предполагалось: «...остается пространство, звезды и певец».

Пастернак сказал как-то, что нужно писать ногами. Его переспросили: сердцем, душой, Борис Леонидович? — нет, нет — ногами. Вадим Месяц оказался его лучшим учеником, он пишет никак не сердцем, ни тем более — кровью. Его инструменты — легкие и гортань. Он уходит в звуки, которые были до возникновения алфавита и останутся

после — щебет, рык, кваканье. «Я свистел, как малая птица, направляясь по верному пути паломников». Этот праязык переживет поэта. Литература есть преодоление смерти, хотя бы в пределах литературы: «...смерть растет в нас вместе с нами, может быть, наперегонки с жизнью. Поэтому ее нужно постоянно обгонять, занимаясь разными выгодными для жизни делами... я делал то, что полезно для моей собственной жизни».

Это основное. А сюжеты рассказов, характеры, темы и все прочее для Месяца лишь повод, чтобы вступить с языком в контакт, чтобы ошутить, как звуки перекатываются во рту: «Пело и выкаблучивало безоблачное небо» — если это не цель литературы, поэзии, то что же тогда — цель.

Для тех, кто все-таки хочет узнать, о чем книга, отвечу, о том же, о чем и все остальные: о печали, любви, детстве, дружбе, смерти и т. д. О том, что предоставит будущим школьникам новые темы для сочинений. Почему же я не школьник? Я переполнен этой книгой и, кажется, мне нечего больше сказать. Вок-вок.